

Михаил Голубев

Иван Дурак и месть Кощея

16+

Михаил Голубев
Иван Дурак и месть Кощея

«ЛитРес: Самиздат»

1998

Голубев М.

Иван Дурак и месть Кашея / М. Голубев — «ЛитРес: Самиздат»,
1998

Бесконечная русская инородная сказка с элементами мистики, боевика и
киберпанка.

© Голубев М., 1998
© ЛитРес: Самиздат, 1998

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Часть 1

В жизни не всегда происходят такие вещи, которые прям так и хочется, чтобы происходили...

Замок возвышался над скалистым холмом подобно великану, взобравшемуся на тушу убитого дракона. Его древние стены и башни были густо увиты плющом и выглядели безжизненными. Уже много сотен лет ни одна человеческая душа не появлялась подле этих древних камней, ни один зверь не осмеливался приблизиться к замку ближе, чем на милю. И только черный ворон Максим появлялся на крыше самой высокой башни каждую пятницу. Посидев на скрипучем флюгере двенадцать минут, ворон, глухо гаркнув, улетал на северо-запад. Смысл его действий понимали далеко не все...

Была гроза.

Тучи заволокли небо непроглядным черным покрывалом так, что не разобрать было, день ли сейчас, или же ночь. Непрерывный поток дождя прибывал к земле редкие кусты репейника, растущие подле стен замка. Огромные дубовые ворота чуть ли не прогибались под ударами штормового ветра. Их ржавые петли тоскливо стонали.

Под воротами, завернувшись в рваную накидку, сиротливо скорчился маленький мальчик. Яростные вспышки молний вырывали из темноты его мертвенно-бледное лицо со впавшими щеками и горящими волчьими глазками.

Мальчик громко матерился, методично ударяя в двери корявой палкой. Сие длилось вот уже около получаса, но истошному голосу мальчика никто не внимал.

Впрочем, по прошествии еще каких-то минут пяти-семи, крупный камень в двух метрах от ребенка зашевелился, и из отверстия, доселе прикрытого оным камнем, показалась некая голова, уродливая до безобразия. Торчащие в стороны волосатые уши непрерывно шевелились, лицо вроде бы вообще напрочь отсутствовало, только пара больших круглых глаз, похожих на немые тарелки, смотрела на мальчика, не моргая. Сама же голова имела форму почти правильного куба с усеченными углами.

– Тебе чего, мальчик? – строго спросила голова, причем не понятно было, откуда доносятся слова, поскольку рта не было.

– Блин! Дерьмо! Растудык-кудрить мать вашу за так перетак!!! – ответил мальчик, пытаясь дотянуться до головы палкой.

– Эй, мальчик! Потише! – голос головы был низок и суров, как у паровоза. – Будешь плохо себя вести, превращу тебя в табуретку!

– Сам ты табуретка! – охрипшим голосом заявил мальчик и попал палкой голове прямо в глаз. – Веди меня к принцессе, не то все моргалы тебе перевытыкаю и кости переломаяю!

Похоже, голова смутилась. А может, ей просто было больно, потому что она закрыла поврежденный палкой глаз и насупилась.

– Хрпек павкусып ртупак! – промолвила она наконец и исчезла.

Мальчик снова оказался один. Но подземный проход остался открыт, и у мальчика появилась возможность попасть в замок. Он с трудом поднялся на тонкие ножки и, кутаясь в накидку и шатаясь на ветру, шагнул к дыре.

– Хропк!

Голова показалась снова. На сей раз у нее появилась рука, сжимающая газовый пистолет. Рука росла прямо из уха.

– Чпрак! – выкрикнул мальчик и с его вытянутой вперед руки сорвалась зеленоватая молния, ударившая в пистолет.

– Ах ты...

Голова выронила оружие и, махая обожженной рукой, вновь провалилась в отверстие. Мальчик, рыча, как собака, нырнул следом.

Уверенно продвигаясь по узкому коридору подземелья, освещенному сальными свечами, закрепленными на стенах, словно ходил он здесь не раз и не два, мальчик следовал за головой, резво прыгающей на одной ноге метрах в трех впереди него. Поблуждав немного по лабиринтам и пару раз поднявшись и спустившись посредством витиеватых лестниц, наша парочка оказалась в слабо освещенном зале, потолки которого имели куполообразную форму, а пол был выложен из зеленого мрамора.

– Принцесса! – запыхавшись пробубнила голова, подскакивая к высокой мрачной даме, стоящей у окна. – Тут какой-то пацан хулиганит, сорванец! Я его...

Дама, названная принцессой, отвернулась от окна и сделала жест рукой, заставив голову замолчать. Принцесса была одета в длинное черное платье без каких-либо украшений, кроме серебряного кулона в форме человеческого черепа, глаза которого светились рубиновым огнем.

– Тебе чего, мальчик? – строго обратилась она к вошедшему ребенку. – Говори скорее, с тебя капает на пол.

– Не узнаешь меня, Лиза? – голос мальчика стал вкрадчивым, глаза его сверкали, словно у того самого черепа.

Принцесса вздрогнула.

– Откуда ты узнал мое имя? – спросила она, невольно касаясь своего кулона, глаза которого загорелись ярче.

– Я всегда знал его.

– Но... Только одному во всех мирах оно было известно... Ты ли тот самый?..

– Я, Лиза, я.

– Кашей?

– Ну да. Чего в этом такого удивительного?

Принцесса Лиза подошла к мальчику поближе и присела на корточки, чтобы лучше его видеть.

– Как же это тебя угораздило?..

– Это длинная история, – со вздохом сказал Кашей Бессмертный. – Провели меня, как мальчишку. Хе-хе. И теперь только ты сможешь мне помочь!

– Как, мой повелитель?

– Для начала поставь-ка чайник...

На дереве сидел человек.

Человек являлся частью дерева. Пальцы его рук были сложены в мудру цин-циу-цхай, а мысленный взор его был обращен внутрь сущности.

Узловатые ветви древнего вяза были толстыми и мощными. Они несли в себе энергию жизни. Ствол дерева сообщался с землей. В земле была мудрость жизни. Мудрость и энергия жизни были открыты человеку через каналы цю-цхай, питающиеся от голубого кристалла на рукояти меча.

Человека звали Иван.

Он слышал, как копошится в земле крот в двух верстах к западу от вяза. Он чувствовал, как парит сокол, выискивая добычу в двух тысячах саженей выше вяза. Он знал, какая температура расплавленной магмы в двух тысячах верстах ниже вяза и чувствовал ледяное дыхание космоса.

Он видел завтрашний рассвет, хотя веки его были закрыты...

– Эй, Дурак, чего на дереве сидишь?

Иван медленно открыл глаза и посмотрел вниз. Там он увидел Семена Шурупина из Пропановки. Рядом с Семеном стоял его младший брат Кузя. Оба были здоровы, как телята, их бороды были пострижены модным «кирпичом», а на головах топорщились шапки из бересты. Семен и Кузя были известными разгильдяями.

– Чего сидишь, спрашиваю, на дереве? Слезай сюда! Не бойся, разговор есть!

– А драться не будете? – осторожно спросил Иван.

– Не боись, мы сегодня добрые! Хо-хо-хо! Правда, Кузя?

– Хрпк...

– Ну ладно, сейчас слезу!

Иван не стал прыгать с десятиметровой высоты, чтобы излишне не удивлять братьев. Он просто слез с дерева, на ходу пытаясь проникнуть в их затуманенные дурманом мозги.

Известные разгильдяи хихикали, показывая друг другу пальцем на Ивана, который, должно быть, перестарался, изображая, какой он неуклюжий, сползающий с дерева и постоянно цепляющийся штанинами за торчащие сучки.

– Слезай давай! – подгоняли его братья. – Чего такой неуклюжий-то? Даром, что дурак, а еще и неуклюжий!

Наконец Иван оказался на земле, отряхнул штаны от мелких листьев и древесных насекомых и обратил взор своих честных голубых очей на побеспокоивших его крестьян.

– Слез? – зачем-то спросил у него Семен Шурупин и без обиняков перешел к делу. – Я слышал, ты завтра на Рынок собралси?

– Ясное дело, – согласился Иван. – Воскресенье же.

– Ну дык вот... – Семен сделал паузу, должно быть вспоминая, что именно дык вот. Сливоподобный нос его шевелился, будто отдельное живое существо, отгоняя назойливого комара.

– Дык вот, – повторил он. – Продай нашу контрабанду.

– Какую такую контрабанду? – уточнил Иванушка.

Дело в том, что в те времена все крестьяне любили торговать на Рынке контрабандой, однако у въездов в город стояли патрули, ввоз оной контрабанды всячески пресекая.

– У меня тут баксы, – объяснил хитрый крестьянин. – Пять пронцетов твои.

– Не «пронцетов», а «процентов», – поправил его Иван. – И не пять, а пятьдесят.

Семен долго стоял молча, не рискуя произвести какой-либо звук. Брат его, Кузя, даже перестал жевать кусок сушеного навоза, переводя взгляд с одного оппонента на другого. В конце концов Семен отошел от оцепенения, повернулся к брательнику и сказал таковы слова:

– Ой ты, гой еси, мать твою етить... Где ж енто видано, шоб такой набитый дурак, как наш Ванька...

– Кгхм, – прервал его Кузя.

Оба брата вновь замолчали, стоя посреди леса и вертя головами в разные стороны. Дурака и след простыл. Будто бы его здесь и не было, а будто сидел он теперь в своей хате за столом и хлебал щи, мастерски приготовленные супругой его, Василисой.

Поскрипывая и постанывая, ехала телега по пыльной дороге, с каждым метром неумолимо приближаясь к городской заставе. Уже отчетливо виден был белый в красную полосочку деревянный шлагбаум и аналогичной раскраски сторожевая будка, рядом с которой тусовались два охранника, проверяя ехавшую впереди телегу с иванушкиным соседом, Тихоном Хреновым, на борту. Опять, наверное, старик Хренов вез в город какую-нибудь контрабанду.

– Контрабанду, наверное, везет, – поделился Иванушка догадкой со своей женой.

– Я так не думаю, – сказала Василиса. – У него сегодня нет контрабанды.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, – сказала Василиса, хитро прищурившись, точь-в-точь как ее отец.

Между тем, они подъехали к шлагбауму и, дождавшись, когда Тихон Хренов отчалит, заняли его место. Иванушка выключил двигатель и поставил телегу на ручной тормоз.

– Старший егерь таможенной службы Микола Затыкин! – громко представился один из охранников, показавшийся Иванушке похожим на Юрия Соломина. С такой же рыжей бородой и в шапке с козырьком. На шапке была кокарда с изображением городского герба. Город назывался Красноград, в честь мэра, фамилия которого была Краснов.

– Предъявите ваши документики, – продолжал между тем Микола Затыкин, сверля взглядом иванушкину жену, которой от этого взгляда становилось щекотно и хотелось пить.

Жена у Иванушки была писаной красавицей, недаром ее девичья фамилия была Василиса Прекрасная. Всякий был бы не прочь посверлить ее взглядом, если предоставлялась такая возможность.

– Вот они, – сказал Дурак, протягивая таможеннику документики.

В это время второй таможенник, похожий на Николая Николаевича Миклухо-Маклая (которого Иванушка не знал, но читал про него книжку), тыкал в содержимое телеги острым стержнем из железа на предмет изыскания в ней, телеге, незаконно ввозимой в город контрабанды. Василиса показывала ему, куда тыкать нельзя.

Старший егерь внимательно изучил иванушкин и василисин паспорта, подолгу идентифицируя каждого из индивидуумов с наклеенными фотографиями своим сверлящим взглядом, так же внимательно проверяя визы, как въездные, так и выездные, прокомпостировал, где надо, и спросил:

– Контрабанда е?

– Не! – с готовностью ответил Иванушка. И зачем-то добавил: – Мы ж не Хренов какой-нибудь.

– А что Хренов? – насторожился таможенник.

– У него контрабанда ведь.

– Нет у него никакой контрабанды! – резко и, как показалось Ване, несколько обиженно заявил Затыкин. – Езжайте, пока уже...

Иванушка не стал дожидаться пока уже и быстро надавил на нужную педальку, отчего паровой двигатель сцепился посредством шестереночной передачи с колесами, и телега тронулась с места.

Через каких-то полчаса телега, испуская густые клубы пара и стуча шестернями и рессорами, ворвалась на территорию города, гармонично влившись в гудящий, свистящий, скрипящий и дымящий поток других таких же и вовсе других, и не таких же, а совсем иных самоходных устройств, приспособлений и конструкций.

Иванушка с Василисой нередко, если не сказать частенько, бывали в Краснограде и поэтому легко и непринужденно ориентировались в лабиринте зданий, построек и сооружений. Дорога к Рынку была им хорошо известна, и поэтому молодые супруги могли отвлечься от управления, доверив его автопилоту, и поглазеть по сторонам.

Город изменялся с каждым сезоном, поражая глаз своей пестротой и разнообразием архитектуры. В тени пальм и кипарисов, берез и эвкалиптов, кактусов и женьшеня стройно ютились рядки деревянных изб с расписными фасадами, громоздились лепные глиняные домики кришнаитов, высились пагоды и мечети вперемешку с водонапорными башнями, пожарными каланчами и офисными небоскребами, величаво стояли церкви и железобетонные ящики новых кварталов, напоминающие детский набор кубиков. С высоты птичьего полета Красноград был похож на модуль цветности телевизора четвертого поколения, с той лишь разницей, что был больше размером и вместо электричества по нему вяло текли повозки с телегами, жители города, туристы, командировочные, гости и такие же, как Иванушка с Василисой, приезжие из окрестных деревень, привезшие на рынок свой скромный урожай.

А везли Дураки на рынок не что-нибудь, а свеклу. Большую и толстую, насыщенно-пурпурную (фиолетовую), сладкую, вкусную свеклу в количестве трех центнеров весом, без нитратов и радиации, что в те времена была не такая уж редкость.

И вот, приехали они, значит, на красноградский Рынок. Василиса заняла заранее забронированное место и принялась торговать свеклой, а Иванушка пошел вдоль рядов поглядеть, что полезного купить можно.

Протискиваясь сквозь людскую массу, цепляемый за рукава, обзываемый матерными словами и толкаемый плечами и животами, добрался он, наконец, до нужных ему прилавков. Здесь торговали разными заморскими диковинками.

– Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи... – услышал вдруг Иванушка женский голос и посмотрел в его сторону.

Какая-то моложавая особа приценивалась к волшебному зеркальцу, напоминающему компьютер «ноутбук», заглядывала ему в экран, заслоняясь платочком от ярких солнечных лучей, тыкала пальчиком в кнопки и что-то бормотала в микрофон.

– Ты прекрасна, спору нет, – хрипло сказал динамик из корпуса волшебного зеркальца. – Но Василиса Дурак всех милее, всех румяней и белее!

Иванушку так и распирало от гордости, так и хотелось стукнуть себя в грудь и добавить, что, мол, и свекла у нас не хуже, а и получше, чем у вас. Да скромность не дала.

Рядом с зеркальцем, которое уже заворачивали в полиэтилен и обкладывали пенопластом в обмен на пригоршню золотых монет, полученных от моложавой особы, продавался ковер-самолет – антигравитационное устройство для полетов по воздуху. «Ну, такая штука и у меня была когда-то», – подумал Иванушка и стал глядеть дальше. Еще продавали сапоги-скороходы на пружинах, скатерти-самобранки узбекского производства, то бишь импортные, палки разные «выручалки», тоже импортные, на мелкосхемах; меняли на пятьдесят килограмм дефицитных бананов почти новый дизельный трактор, на котором Иванушка заострил было внимание, но, узнав, на что его меняют, только тяжело вздохнул и пошел дальше.

Дальше торговали граммофонами, холодильными устройствами, запчастями к телегам и самими телегами, а также прочими разнообразными предметами. Иванушка шел дальше, пока не наткнулся на выступление каких-то клоунов. Они показывали глупые фокусы и рассказывали антиправительственные анекдоты. Невдалеке располагались сомнительные прилавки, где торговали наркотиками, замаскированными под химикаты для фотодела, оружием, как холодным, так и огнестрельным, порнографией, рабами и секретными топографическими картами. Иванушка туда не пошел, боясь внезапной облавы, когда хватают всякого виноватого и невиноватого, и побрел в другую сторону.

В другой стороне царили, главным образом, запахи продаваемых продуктов. Там были различные колбасные и кисло-молочные изделия, всякая рыба, фрукты, овощи, жевательная резинка, семечки и кукурузные хлопья попкорн. Купив для жены пакетик попкорна, Ваня устремился к мастерским в надежде, что ему починят специально привезенную для этой цели шапку-невидимку, которая вот уже три года как не функционировала.

Найдя мастерскую с надписью на дверях «ЧИНИМ КРУГЛОСУТОЧНО ИЗДЕЛИЯ ПОВЫШЕННОГО СПРОСА И ИНОМАРКИ. ЦЕНЫ ДОГОВОРНЫЕ», Иванушка зашел внутрь, звякнув подвешенным к косяку колокольчиком, и оказался перед стоящим за стойкой приемщиком.

– Здрасьте, – сказал Иванушка.

– Гутен таг, – ответил ему толстый приемщик, блеснув золотым зубом. – У тебя чего, юноша?

– А вот, – Иванушка вытащил иззапазухи испорченную шапку и протянул ее приемщику.

– Что с ней? – спросил приемщик, вертя невидимку в руках и щелкая тумблером.

– Не работает.

– Пять рублей.

Иванушка, скрепя сердце, отсчитал пять новеньких хрустящих денежных знаков достоинством в один рубль каждая и протянул их приемщику. Тот засунул деньги в карман и выдал Иванушке квитанцию, предварительно заполнив ее мелким кривым почерком и поставив круглую печать заведения. Затем принес отвертку и стал разбирать шапку. Сняв с нее верхнюю замшевую часть, приемщик, оказавшийся одновременно и ремонтником, потыкал в образовавшийся проём предусмотрительно разогретым на огне спиртовки паяльником Philips, поменял несколько вакуумных радиоламп, вышедших из строя, на новомодный кварцевый кристаллик, закрутил замшу на место и поставил, где надо, пластилиновую пломбу. После чего щелкнул тумблером, и шапка тихонько загудела, потребляя энергию из окружающего пространства. Через пять секунд приемщик, державший шапку в руках, бесследно исчез, словно его и не было. Потом тумблер висящей в воздухе шапки сам собой переключился в первоначальное положение и приемщик-ремонтник возник снова, будто никуда и не исчезал.

– Готово, – сказал он и выдворил Дурака за дверь, на прощание снова блеснув золотым зубом.

Выйдя из мастерской, Иванушка был вновь вовлечен в бесконечный людской поток, текущий между прилавками и ларьками. То ли солнышко пригрело, то ли поел он сегодня утром слишком мало, но вдруг какое-то странное чувство проникло в живот, заставив желудок сжаться и вновь разжаться, прошло по пищеводу вверх, чуть не вынудив Дурака блевануть, и разместилось в его голове.

Иванушка почувствовал тревогу – как-то там его Василисушка? Чувство, сидящее в его мозгах, сказала, что, мол, верно, пойдика, Дурак, проведайка свою жену. Не в порядке что-то.

Иванушка резко повернул, чуть не сбив с ног пожилого индуса с попугаем на голове, ловко увернулся от компании пьяных матросов, перешагнул через старушку с ручным аллигатором на поводке и, получая пинки и обидные прозвища, выкатился из узкого прохода между торговыми точками, оказавшись на более разряженном пространстве рыночной площади.

Его наметанный глаз сразу определил что-то неладное в той стороне, где должна была спокойно торговать его жена. Там виднелось какое-то столпотворение, сквозь базарный шум прослушивались странные звуки и лязг металла о металл.

«Охранять», – мысленно приказал Иванушка перстню, отобранному несколько лет тому назад у Кашея Бессмертного, а верный меч «Кладенец», возникнув прямо из воздуха, лег удобной рукоятью прямо ему в ладонь.

Бесцеремонно расталкивая народ плечами, он пробился сквозь толпу и увидел следующее зрелище: на месте, где раньше стоял арендованный ими прилавок, зияла крупная воронка, будто от попадания авиационной бомбы, и из нее исходило призрачное сияние, окутавшее тех, кто находился на дне воронки.

«Иванушка», – услышал Дурак голос чувства, сидящего в голове. Он узнал Василису. Да, сомнений быть не могло, это Василису, его любимую жену, засовывали в мешок трое здоровых бугаев, отгороженных от всего мира призрачным сиянием. По-видимому, сияние являлось защитным полем, через которое никто не мог проникнуть, судя по нескольким полицейским, отчаянно навалившимся прямо на воздух, будто на каменную стену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.